

Линби искала своего фазана всю ночь и так и не нашла. Засыпая, она схватила Чжэнь Вэньцзюнь за руку и с испуганным выражением лица сказала, что, наверное, в горах завелось привидение. Она всего на минуту отлучилась, а фазан пропал. Если не привидение, то, может, фазан стал бессмертным и сам убежал? Но если бы фазан стал бессмертным и убежал, зачем ему было уносить с собой котелок? Что он с ним делать будет? Суп варить?

Линби всё бормотала и бормотала, и Чжэнь Вэньцзюнь, которая и так устала за день, не могла уснуть и это было своего рода наказание. Она могла только утешать Линби:

- Не думай об этом слишком много. Фазан может, и правда после сотен лет культивации мог стать бессмертным, но его же уже ошпарили и сварили, так что если бы он превратился в духа, это был бы дух супа из фазана. Наверное, какая-нибудь дикая обезьяна учуяла запах и украла.

Линби кивнула, соглашаясь, и больше не думала об этом, сразу заснув.

Чжэнь Вэньцзюнь пожалела об этом, решив, что говорить слишком быстро нехорошо, и в итоге тоже стала ругать себя.

На следующий день они проспали до полудня. Вероятно, из-за того, что прошлой ночью они подслушали слова Вэй Тинсюй, обращённые к Сяохуа, Чжэнь Вэньцзюнь чувствовала себя намного спокойнее, поэтому спала крепче. Только вывихнутая челюсть всё ещё иногда побаливала, а щека после удара Сяохуа распухла ещё больше.

Когда она проснулась, Линби уже не было. Чжэнь Вэньцзюнь завернулась в хлопковую накидку и вышла из палатки. Сяохуа уже вернулась и стояла за креслом Вэй Тинсюй со своим обычным выражением лица. Неподалёку на вороном коне сидел незнакомый всадник. Внутренняя сторона его бёдер была стёрта в кровь - видно, он скакал день и ночь, доставляя срочное донесение. У вороного коня на голове был острый рог, а на шее колокольчик, такую упряжь использовали для государственной срочной почты. Всадник днём звонил в колокольчик, ночью зажигал факел, и даже если случайно сбивал человека, не нёс за это ответственности.

С коня градом лил пот, похожий на кровь. После бешеной скачки он всё ещё не мог успокоиться, бил копытами и ржал. Всадник сначала отклонился назад, надавил ногами на стремяна и попытался успокоить разгорячённого коня, но тот не слушался. Свирепый нрав вороного коня сделал его неуправляемым, поэтому всадник позволил ему пробежать ещё несколько кругов, чтобы успокоиться. Постепенно, по мере того как круги становились все меньше, конь, наконец, вернулся в своё нормальное состояние. Только тогда всадник спешился и опустился на одно колено перед Вэй Тинсюй.

Чжэнь Вэньцзюнь внимательно наблюдала за его техникой укрощения лошадей и запомнила её, подумав, что сможет использовать её, если Юньчжун Фэйсюэ когда-нибудь станет непослушным.

В окружении охранников и Сяохуа всадник говорил тихо, поэтому Чжэнь Вэньцзюнь не могла расслышать, о чём они говорят.

Она не стала приближаться, а пошла к Линби, чтобы взять кусок ткани. Она побежала в лес, чтобы выкопать немного мёрзлой земли, завернула её и приложила к своему опухшему лицу. Она также приготовила немного трав для горячего компресса. Только когда огонь под печкой начал дымить, Сяохуа подошла к ней.

- Чего тебе? Вчерашнего удара было недостаточно? - Чжэнь Вэньцзюнь настороженно посмотрела на неё и указала на свою щеку, распухшую так, словно в неё засунули камень.

Но Сяохуа вежливо поклонилась ей:

- Барышня Вэньцзюнь, госпожа просит вашего присутствия.

Чжэнь Вэньцзюнь восхищалась терпимостью Сяохуа. Вчера они были готовы вцепиться друг другу в глотки, и она даже потеряла контроль над собой и нанесла удар. Но сегодня Сяохуа смогла сдержать свой гнев и пригласить её. Было ли это благодаря той кастрюле супа, которая прошлой ночью превратилась в привидение, или просто из-за слов своей госпожи, она не могла сказать наверняка.

Чжэнь Вэньцзюнь вошла в палатку. Внутри уже были несколько охранников, Линби, Сяохуа и тот всадник.

Всадник уже снял доспехи, нижняя стёганая куртка промокла насквозь. У него было молодое, резкое лицо, с едва заметной родинкой между решительными бровями.

В Таоцзюне Чжэнь Вэньцзюнь привыкла присматриваться к деталям, и теперь, стоило появиться незнакомцу, она невольно начинала его разглядывать. Этому всаднику, казалось, было чуть больше двадцати, его лицо было покрыто грязью, разбрызганной копытами. Он выглядел измождённым, но изо всех сил старался держаться бодро, ожидая, что скажет Вэй Тинсюй. Бронзовые доспехи, которые он носил по прибытии, были явно стандартной униформой для официальных посланников Великой Юй. Обычно в такое облачались только для передачи срочных донесений военачальникам на поле боя. Казалось, он пришёл к Вэй Тинсюй, чтобы обеспечить беспрепятственный проход, чтобы никто не осмелился проверить его срочные дорожные ордера. Таким образом, важные сообщения, естественно, будут беспрепятственно доходить до Вэй Тинсюй. Похоже, это был распространённый тактический приём, используемый семьёй Вэй.

Чжэнь Вэньцзюнь и Сяохуа вошли, а Вэй Тинсюй, казалось, всё ещё кого-то ждала.

Охранник поспешно вошёл и подал Вэй Тинсюй маленькую деревянную дощечку, сказав, что это сообщение, переданное почтовым голубем от семьи Чжансунь.

Семья Чжансунь? Чжэнь Вэньцзюнь вспомнила, что Чжансунь тоже один из больших родов Дунчуня, имеющий давние связи с семьёй Вэй.

Вэй Тинсюй взяла дощечку, и Чжэнь Вэньцзюнь, стоявшая рядом, изо всех сил старалась подглядеть, что глаза чуть не вылезли из орбит, но она так и не смогла разглядеть, что было написано на этой дощечке размером с палец. Однако Вэй Тинсюй сама передала дощечку ей. Чжэнь Вэньцзюнь взяла её и, присмотревшись, поняла, что её зрение всё ещё такое же хорошее, на бирке ничего не было, она была совершенно пустой.

Вэй Тинсюй сказала:

- Вэньцзюнь, поддержи дощечку над огнём.

Оказалось, это было тайное письмо с использованием воды из квасцов. Иероглифы появлялись только после того, как деревянную дощечку нагревали над огнём.

Чжэнь Вэньцзюнь подержала дощечку над огнём, и на ней медленно проступили три иероглифа:

- «□□□» (Прибуду сегодня ночью). - прочитала она вслух.

- Она прибывает сегодня вечером, так что мы не будем ждать А-Ляо. - Вэй Тинсюй обратилась к молодому гонцу: - Ты должен подробно нам объяснить, что случилось.

Чжэнь Вэньцзюнь подумала про себя, что она раньше подозревала, что А-Ляо была кем-то из семьи Чжансунь из Дунчуня, и она была права.

Первые слова молодого гонца были:

- Господина Цзыюня оклеветали, по пути в Суйчуань его схватили и теперь везут в столицу, в императорскую тюрьму, где допросом будет заниматься лично высокопоставленный судебный чиновник Гуань Сюнь.

Из этих слов Чжэнь Вэньцзюнь не могла понять, насколько всё серьёзно. Похоже, Вэй Тинсюй должна была встретиться с этим Цзыюнем в Суйчуане, но по дороге случилась беда. Цзыюнь был из рода Вэй, и в Суйчуане они собирались обсудить, как успокоить мятеж в Суйчуане. Теперь, когда Цзыюнь попал в беду, встречи, видимо, не будет. Услышав это, Линби, Сяохау и все остальные в комнате выглядели разъярёнными. Было ясно, что дело было сложнее, чем она думала изначально.

- В чём его обвиняют? - спросила Вэй Тинсюй.

- Говорят, когда господин Цзыюнь направлялся в Суйчуань, его отец скончался, а он не успел вовремя вернуться на похороны. Императорский цензорат подал доклад, обвиняя его в том, что «отец умирает, а сын не возвращается, он действительно позор для семьи, без отца и правителя, хуже зверя». Император разгневался, обвинил его в несыновней почтительности и недостойности государственных обязанностей и специально приказал высокопоставленному судебному чиновнику спешно отправиться в Суйчуань, чтобы арестовать его. Позже выяснилось, что, когда глава дома Вэй скончался, родные немедленно послали человека сообщить господину, но этот гонец скоропостижно скончался в пути, и известие о смерти не дошло до господина, что и привело к этой беде.

Линби гневно сказала:

- Это точно козни старого негодяя Се! Обвинить молодого хозяина в том, что он не по-сыновьи поступил с ним!

Сердце Чжэнь Вэньцзюнь дрогнуло: отец Вэй Тинсюй умер?

Вэй Тинсюй сказала:

- О смерти дяди я тоже узнала только вчера. Эта поездка Цзыюня в Суйчуань была устроена слишком легко, но оказывается, ловушка уже была готова. Жаль, что мой кузен с детства мечтал помочь народу, а когда поступил на службу, всегда беспокоился о стране и народе. На этот раз в Суйчуане большой мятеж, он несколько ночей не спал, разрабатывая план стабилизации. Увы, он всё равно был втянут в заговор теми глупцами, которые осушают пруд, чтобы поймать рыбу.

Выходит, Цзыюнь был её двоюродным братом, а умерший её дядей. Цзыюнь ехал в Суйчуань с искренним желанием помочь народу, а оказался схвачен по дороге. При слове «императорская тюрьма» у Чжэнь Вэньцзюнь мурашки пробежали по коже. В детстве, когда матери надоело рассказывать истории о битвах, когда Чжэнь Вэньцзюнь была непоседой, начинала рассказывать ей о пытках в императорской тюрьме. О том, как ломали пальцы, давили лодыжки, отрезали носы, выбивали колени, как кастрировали, заточали в темноту, как

прижигали руки, чтобы выбить признание. Розги считались лёгким наказанием, многие умирали в тюрьме или оговаривали себя под пытками. Говорили, что попавший в императорскую тюрьму редко видел белый свет, а по ночам души невинно убиенных летали по зловонным камерам и грызли людям уши и пальцы ног.

Императорская тюрьма была её детским кошмаром. Теперь, когда Вэй Цзыюня оклеветали и посадили в тюрьму по личному приказу императора, выйти оттуда будет невероятно трудно.

- Что касается этого дела... Они сами себе роют могилу, я уже придумала хорошую контрмеру.
- Вэй Тинсуй держала в руке опахало. В холодную погоду она не обмахивалась, а просто любила его держать, словно, пока опахало в руке, победа была обеспечена. В её голосе не было удивления, словно она всё предвидела.

- Сяохуа.

- Здесь. - Вэй Тинсуй не сказала, что ей нужно, но Сяохуа достаточно было одного жеста, чтобы понять. Она быстро приготовила кисть и бамбуковую дощечку. Всего одним маленьким жестом Чжэнь Вэньцзюнь поняла, что проиграла той молчаливой договорённости, построенной за годы между госпожой и служанкой. Если она хотела, чтобы Вэй Тинсуй зависела от неё, ей придётся найти способ заменить Сяохуа.

Вэй Тинсуй взяла кисть и быстро застрочила на бамбуковой дощечке мелкими иероглифами. Чжэнь Вэньцзюнь, стоявшая рядом, не стесняясь, смотрела. Вэй Тинсуй написала отрывок из «Военной поэмы» Ван Чжунсюаня, одного из Семи мастеров Цзяньань: «Одним ударом уничтожить сюнну¹, вторым покорить Цян и И». Очевидно, это был зашифрованный код, и только тот, кому предназначено, мог понять, что означают эти две строки.

¹Хунну (сюнну) - древний могущественный кочевой народ, населявший степи к северу от Китая с 220 г. до н. э. по II век н. э.

Закончив, Вэй Тинсуй положила бамбуковую дощечку в белый тканый мешочек, который подала Сяохуа. Горловина мешочка была завязана чёрным шнурком, именно так завязывают во время траура. Весь путь караван семьи Вэй был одет в траурные одежды, значит, это было обычной тактикой Вэй Тинсуй.

Кому и какое сообщение она передавала, Чжэнь Вэньцзюнь не знала, но слова «я уже придумала хорошую контрмеру» оставили Чжэнь Вэньцзюнь немного обеспокоенной.

Неужели она предвидела, что её двоюродный брат попадёт в беду, и его арест был частью её плана? Её жестокость и расчётливость поистине леденили кровь.

Молодой гонец стоял настороже, словно ждал приказа и собирался уезжать, но Вэй Тинсуй не отдала ему дощечку, а передала другому охраннику. Тот снарядил коня и скоро исчез вдаль.

Чжэнь Вэньцзюнь сначала подумала, что Вэй Тинсуй не доверяет молодому гонцу, но это не имело смысла, ведь именно молодой гонец доставил новость о бедственном положении Цзыюня.

Вэй Тинсуй взяла пузырёк с лекарством, положила на колени, сама подъехала на кресле к молодому гонцу и протянула ему.

- Это... - растерялся тот.

- Господин проделал долгий путь, для него уже приготовлен тёплый кров, вино и мясо, пожалуйста, отдохните. Когда отдохнёте и залечите раны, вас ждёт важное поручение. - Мягко сказала Вэй Тинсюй и знаком велела Сяохуа накинуть ему на плечи свою соболью накидку.

Это был приём, чтобы завоевать верность. Молодой гонец был тронут, глубоко поклонился Вэй Тинсюй и сказал:

- Ради госпожи я пройду сквозь огонь и воду!

Охранник увёл его отдыхать. Вэй Тинсюй не ложилась до глубокой ночи, дожидаясь, когда под покровом темноты придёт А-Ляо.

Чжэнь Вэньцзюнь думала, что А-Ляо, желая быть незамеченной, приедет с лёгким эскортом, но вместо этого прибыло больше десяти повозок. Когда А-Ляо вышла из круглой роскошной повозки с четырьмя лошадьми, её окружали четыре-пять разодетых красавиц, приклеившихся к ней, словно репей, и не желавших отходить. Их щебечущие нежные голоса звучали со всех сторон, и серьёзный лагерь в одно мгновение превратился в квартал развлечений.

Неудивительно, что Вэй Тинсюй не хотела ехать вместе с ней.

Лицо Вэй Тинсюй помрачнело, но А-Ляо так и не удалось уговорить своих красавиц вернуться в повозку. Сяохуа грозно прикрикнула, и только тогда девушки в страхе отступили.

А-Ляо, в роскошном фиолетовом одеянии и нефритовой шпильке-короне, с лицом цвета персика, была хорошо знакома Чжэнь Вэньцзюнь. Она шагнула вперёд и, сложив руки, виновато сказала:

- Тинсюй, не сердись. Я, как только услышала о случившемся с Цзыюнем, сразу же поспешила к тебе, но мои спутницы нежные создания, они устали в дороге, поэтому я немного задержалась. Давай войдём и поговорим.

Вэй Тинсюй сказала:

- Сотри сначала с шеи след от губной помады.

А-Ляо провела рукой по шее, на тыльной стороне ладони остался ярко-красный след, и она снова извинилась.

Все вошли в палатку, Линби зажгла лампы. Собравшись вокруг Вэй Тинсюй, они создали атмосферу заговора.

<http://bllate.org/book/17227/1616965>